

ГРЯДУЩЕЕ УНИЖЕНИЕ ЕГИПТА

Дата: 07.10.2021 Автор: Михаил Лавров

Рубрика: [Ближний Восток](#)

Из-за множества громких событий, происходящих на Ближнем Востоке и вокруг него в последнее время, за рамками внимания публики осталась проблема, чреватая весьма серьезными последствиями для судеб региона. Речь идет о конфликте вокруг сооружения Эфиопией плотины «Великое Возрождение» – проекта, грозящего катастрофой крупнейшей арабской стране – Египту.

Суть дела заключается в том, что Эфиопия в течение десяти лет построила

на Голубом Ниле крупнейшую в Африке ГЭС – «Возрождение». Этот поистине гигантский комплекс, включающий в себя плотину и водохранилище, способен поставить под прямую, чуть ли не экзистенциальную, угрозу Египет.

Во всей этой истории замечательно то, что египтяне за десятилетие не смогли ничего сделать, чтобы как-то обезопасить себя. Хотя про свою зависимость от стока нильской воды они знают не первое тысячелетие.

Забавно, что Арабская Республика Египет, крупнейшая страна арабского мира с населением более 100 миллионов человек в 21-м веке живет, в общем-то, примерно так же, как и во времена фараонов: она полностью зависит от Нила. Будет в реке достаточно воды, чтобы оросить поля, напоить людей, добыть энергию, – Египет будет жить. Не хватит воды – и он окажется на грани жизни и смерти.

Будем справедливы: с самого начала строительства эфиопской плотины Египет протестовал. Но получалось это неубедительно. Вплотную заняться решением этой жизненно важной проблемы не удавалось: как раз в 2011 году, когда началась реализация проекта, Каир оказался в водовороте «арабской весны», за которой последовали новая революция, изнурительная борьба с терроризмом, – все это не позволяло приступить к серьезной работе по внешнему контуру.

При этом власти АРЕ успокаивали себя гарантиями, оставшимися им в наследство от прошлого: соглашениями 1929 и 1959 годов. Первым документом Британия (Египет был фактически ее протекторатом тогда), признавала «исторические права» Каира на Нил и давала ему право накладывать вето на строительство любых дамб и плотин на великой реке. Второй, заключенный между уже независимыми Египтом и Суданом, определял квоты нильской воды, причитающиеся этим двум государствам.

Подобное упование на устаревшие договоры было, безусловно, ошибкой, тем более что они не были ничем гарантированы. Было бы, как минимум, странно полагать, что Британия выступила бы на защиту «исторических прав» Каира. Что же касается соглашения с Суданом, то его действие оказалось под вопросом после того, как эта страна распалась на две части (как раз в момент начала строительства эфиопской плотины в 2011 году).

Но самое главное, конечно, это тот факт, что ни на одном из двух документов не было подписи Эфиопии. Государство, на территории которой находятся истоки рек, сливающихся затем в Голубой Нил, никто не спрашивал.

Не удивительно, что Аддис-Абеба никогда не считала себя связанной этими соглашениями. А буквально накануне начала строительства плотины заключила с пятью другими государствами бассейна Нила т.н. «договор Энтеббе», суть которого сводилась к прекращению монополии АРЕ и Судана на нильскую воду. Словом, Эфиопия не теряла времени, полная решимости построить свою гигантскую плотину, связав с этим проектом надежды на Великое Возрождение: преодоление массового голода, хронической бедности, дефицита электроэнергии.

Очень странно, что египтяне не поняли этого настроения, не поняли истинного значения этого проекта для Эфиопии. Ведь им достаточно было вспомнить свою собственную историю, историю Асуанской плотины: насколько великим символом свободы, развития, будущего стала она. Это непонимание сути событий, неумение оценить их глубинный смысл можно также причислить к ошибкам Египта.

К 2015 году, когда стали очевидны контуры «Возрождения» и на очереди оказался вопрос о сроках заполнения водохранилища, в Каире и Хартуме заволновались всерьез. Перспектива лишиться необходимых для жизни объемов воды Нила стала осязаемой. Начался торг.

И тут Египет допустил следующую ошибку: он не сумел создать блок с Суданом с тем, чтобы выступить на переговорах единым фронтом. Эфиопская дипломатия оказалась более активной и искусной и убедила суданцев в том, что их проект несет им большие выгоды в виде поставок электроэнергии и создания стабильно работающей системы орошения.

Таким образом на переговорах, состоявшихся в суданской столице Хартуме в 2015 году, эфиопы задали трехсторонний формат и захватили инициативу в свои руки, навязав египтянам свою повестку. В центре ее оказались не требования Каира учесть его опасения, а обсуждение того, какие выгоды сулит плотина трем государствам. И картина получалась следующая: Эфиопия получает электричество, Судан – орошение, а Египет – право пользоваться той водой, что останется после этого.

Очевидно, что для египтян цель хартумских переговоров заключалась в получении четких гарантий относительно необходимых им объемов нильской воды. И ключевым вопросом тут становились сроки заполнения водохранилища: чем быстрее пойдет этот процесс, тем меньше воды дойдет до Египта. Это означало, что в Хартуме следовало во что бы то ни стало добиться составления и утверждения графика работ.

Однако эфиопы, а за ними и суданцы, сочли, что это – вопрос чисто

технический. Сперва, мол, нужно согласовать принципы. Ведь речь идет о создании новой международной системы использования вод Нила, и начать следует с определения базовых основ, на которых эта система будет функционировать.

Маневр удался, и вместо графика работ по вводу комплекса плотины в эксплуатацию стороны подписали декларацию, содержащую набор из десятка красивых, но ни к чему не обязывающих принципов вроде «уважения законных интересов друг друга», «непричинения вреда интересам друг друга», «непричинения вреда природе» и т.п.

Правда, наряду с этим в том же году был создан трехсторонний комитет, занявшийся изучением технических вопросов, связанных со строительством эфиопской плотины. Он проработал пару лет, и к концу 2017 года подготовил доклад, который был одобрен Египтом. Но и здесь Каир вновь оказался в одиночестве: Эфиопия и Судан отказались поддержать выводы, сделанные специалистами.

В этих условиях президент АРЕ Абдельфаттах Ас-Сиси впервые заявил о готовности страны «предпринять все необходимое» для защиты своих интересов, намекая на возможность использования военной силы. В то же время была выдвинута идея о международном посредничестве, причем в качестве посредника Каир предложил Всемирный банк.

Выбор выглядел несколько странно. Учитывая членство Египта, Судана и Эфиопии в Африканском Союзе, логично было бы именно эту организацию просить о посреднических услугах. Но, судя по всему, в Каире не были уверены в лояльном отношении к себе со стороны АС. Ведь, напомним, что еще в 2010 году Эфиопия добилась подписания «договора Энтеббе», заручившись поддержкой пяти других государств против египетско-суданского диктата в вопросах использования вод Нила. Так что обращение Каира за посредничеством к ВБ было следствием его слабой и неэффективной политики на Африканском континенте: оказалось, что здесь у АРЕ нет союзников, готовых поспорить с Эфиопией.

Эфиопия же ожидаемо отказалась от посредничества ВБ, опираясь на принцип «африканским проблемам – африканское решение».

Вместе с тем, правильно оценив появление ноток угрозы в риторике Каира, Аддис-Абеба пошла на задействование нового формата переговоров – так называемой «девятки» в составе министров иностранных дел, водных ресурсов и глав национальных разведок трех стран.

Подключение к работе «силовиков» означало переход проблемы на качественно новый уровень, и, казалось бы, отвечало логике Египта. Он явно рассчитывал на «управляемую эскалацию», которая давала ему возможность использовать в споре с Эфиопией такие аргументы, как «египетская армия – сильнейшая в регионе» и «мы, египтяне, все как один...».

Работа «девятки» была выстроена в традиционном ключе: после долгих споров было подписано несколько никого ни к чему не обязывающих документов, что в значительной степени обесценило египетскую игру на эскалацию. А следующим шагом Эфиопия и вовсе показала всему миру несерьезность угроз своего северного соседа.

Речь идет о визите в 2018 году главы эфиопского правительства Абий Ахмеда в Каир, который сперва был воспринят чуть ли не как сигнал об отступлении перед лицом грозной, но справедливой силы. Египтяне, тысячелетиями жившие в убеждении о превосходстве своей цивилизации над «хабаша» (эфиопами), были очень рады услышать личные заверения лидера «страны Куш» в том, что строительство плотины «Возрождение» не нанесет вреда египетскому народу.

Но это были устные заверения, сделанные в ходе пресс-конференции. Никаких официальных, юридически обязывающих документов в Каире подписано не было. И это стало очередной ошибкой египетской внешней политики.

Так же безрезультатно прошла и встреча лидеров Египта, Эфиопии и Судана «на полях» саммита Африканского Союза в 2019 году. Много громких заявлений и ни одного подписанного документа...

Тем временем строительство плотины не останавливалось ни на час. С каждым днем приближался срок начала заполнения водохранилища ГЭС, чего Каир так боялся и стремился не допустить...

Видя безрезультатность своих усилий, Египет вернулся к воинственной риторике и начал вновь искать посредников. Президент Ас-Сиси заявил, что страна готова использовать все возможности, предусмотренные международным правом, для защиты своих интересов и прав на воду Нила.

Но на сей раз Аддис-Абеба ответила по-иному. Премьер страны заявил в парламенте: «Эфиопия мобилизует миллионы в случае войны! В мире не существует силы, способной заставить нас отказаться от возведения плотины «Возрождение»!

По-видимому, такой быстрый и жесткий ответ стал неожиданностью для египтян, которые явно полагали, что только они – как «обиженная сторона»–имеют право на управление эскалацией. Не случайно же Ас-Сиси ссылаясь на международное право и подчеркивал, что речь идет о действиях на «политическом поле». Воинственные заявления Ахмеда означали, что и в сфере эскалации Каир утратил инициативу и вынужден реагировать.

Единственный возможный образ действий (не воевать же на самом деле) заключался в активизации поиска посредников. Первым кандидатом стал Вашингтон. Думается, выбор был сделан, в частности, потому что в ту пору администрация Трампа вела кампанию по продвижению своей «сделки века» на Ближнем Востоке. Чтобы заручиться поддержкой Египта, американцы могли предложить ему помощь в урегулировании с Эфиопией.

Однако этой помощи нужно было ждать, причем, неизвестно, как долго. А реагировать на слова Ахмеда нужно было быстро. Но как?

Логика эскалации, навязанная Эфиопией, требовала поднять планку угроз: начать стягивать армию к эфиопской границе, провести военные учения и т.п. Промолчать или сделать какой-нибудь миролюбивый жест означало бы потерять лицо. Оптимальный вариант – новая встреча в верхах. Но представить себе, что эфиопский лидер снова прибудет в Каир, было невозможно. Сам Ас-Сиси в Аддис-Абебу тоже поехать не мог: это было бы воспринято как слабость, на которую он не имеет права.

Идеальное решение было найдено благодаря России. В конце 2019 года в Сочи был организован саммит Россия-Африка, в рамках которого Ас-Сиси и Ахмед смогли встретиться с глазу на глаз.

По итогам их переговоров выяснилось, что воевать никто не намерен и что все разногласия нужно решать за столом переговоров. Тут же было высказано предположение о возможном посредничестве России. Однако дальше разговоров дело не пошло. Вероятно, египтяне, возлагавшие все надежды на Вашингтон, были совершенно не готовы к привлечению Москвы.

Американцы же взялись за дело весьма активно. В течение зимы 2019-2020 годов они организовали целую серию трехсторонних переговоров при участии Всемирного банка. Однако единственным итогом стало решение начать разработку дорожной карты, в которую Египту удалось включить пункт о регулировании процесса заполнения водохранилища эфиопской ГЭС в периоды засухи.

Таким образом, египетские надежды на помощь США были похоронены. В июне 2020 года Каир обратился в СБ ООН с просьбой вмешаться в ситуацию вокруг эфиопской плотины. СБ ООН изящно передал досье на рассмотрение Африканского Союза.

А через месяц Эфиопия приступила к первому этапу заполнения водохранилища. Это означало, что Египет потерпел полное поражение. Он оказался не в состоянии в течение десяти лет решить проблему, которую он сам же определил как «экзистенциальную».

В течение следующего года шли арьергардные дипломатические бои: Каир хотел добиться запрета второго этапа заполнения водохранилища. Он сумел убедить Судан в том, что тот понесет наибольшие потери от реализации планов Эфиопии, и Хартум довел эту новость до всего мира.

Заручившись поддержкой Лиги арабских государств, Каир вновь обратилась в СБ ООН с просьбой помочь в решении проблемы. Но там снова перевели стрелки на Африканский Союз.

Каир организовал серию военных маневров вместе с суданской армией под громкими названиями «Защитники Нила» и «Орлы Нила», активизировал военно-техническое сотрудничество с соседями Эфиопии.

Но никого все это не впечатлило. Второй этап заполнения водохранилища состоялся по расписанию Аддис-Абебы, летом 2021 года.

В настоящее время Каир настаивает на том, чтобы хотя бы были изменены ударные темпы заполнения водохранилища: до двадцати лет вместо запланированных эфиопами трех. Но Аддис-Абеба не внемлет.

Один из последних (по времени) демаршей Каира – публикация доклада, согласно которому плотина «Возрождение» построена в сейсмически активной зоне и ей угрожает проседание грунта, разрушение, которое обернется катастрофой для всей местности ниже по течению. Однако теперь, после того как строительство плотины почти завершено, а ее водохранилище заполнено на две трети, подобные алармистские заявления лишены какого-либо смысла. Разбирать построенное никто не станет.

Так что эту партию длиной десять лет Каир проиграл вчистую.

И именно этот факт, а отнюдь не эфиопское «Возрождение» саму по себе, можно считать истинной бедой для Египта. В конце концов, ни возведение

плотины, ни заполнение водохранилища не привели к падению уровня Нила. Но внешнеполитическое поражение АРЕ, несомненно, будет иметь весьма непростые последствия и для самой Арабской республики, и для всего региона.

Развитие ситуации в течение десятилетия обнажило политическое одиночество Каира. У него не оказалось союзников нигде: ни в арабском мире, ни в Африке, ни на мировой арене. Даже ближайший сосед – Судан – и тот оказался ненадежен. Не говоря уж о таких «братьях», как Саудовская Аравия или ОАЭ, на союзе с которыми Ас-Сиси во многом строил всю свою внешнеполитическую стратегию.

Ни Америка, ни ЕС, ни Россия пальцем не шевельнули, чтобы хоть как-то помочь Каиру. И если в случае с Россией упрек в бездействии был бы натянутым – все-таки Росатом строит для египтян АЭС Эд-Дабаа, второй после Асуанской ГЭС надежный источник энергии, – то американцы попросту «кинули» Египет, потратив бесценное время на бесцельные переговоры, не имея ни малейшего желания действительно помочь делу. О европейцах и говорить не стоит: они (в лице итальянской компании) – главные подрядчики строительства эфиопского «Возрождения».

Но что такое одиночество Каира? Это – развенчание мифа о «самом сильном» арабском и африканском государстве. Это – демонстрация того, что союз с Египтом не может дать никаких гарантий. Это – демонстрация слабости.

В результате складывается ситуация, при которой нынешние сетования египтян на угрозу стране, ее экономике, сельскому хозяйству, всему населению, которую несет эфиопская плотина, будут закреплять образ «слабого Египта». Действительно, ведь оказывается, что стомиллионное государство само признает: оно попало в зависимость, чуть ли не в заложники.

Оказывается, что Египет, как и сто лет назад, нуждается в том, чтобы кто-то «сильный» в мире признал за ним право пользоваться водой Нила. Без этих внешних гарантий Египет так и останется заложником.

Но никто не спешит ему на выручку: то ли не верят в реальность угрозы ему, то ли не интересуются его судьбой, то ли ждут чего-то более «эпохального»...

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что Каиру до сих пор удалось избежать опасности быть втянутым в поистине опасные авантюры, будь то

непосредственное военное участие в ливийской гражданской войне, или в Йеменской эпопее, или в периодически обостряющихся суданских конфликтах. Все это свидетельствует о разумности египетской внешней политики. Да и отказ от военного решения проблемы эфиопского «Возрождения» тоже могло бы расцениваться как торжество разума – если бы не вынужденный его характер. Теперь, на фоне «казуса с плотиной», вся взвешенность стратегии Каира может быть – и будет – истолкована не в его пользу: «Каир слаб, он просто не в состоянии на деле защитить свои интересы, даже жизненно важные», – таков будет вывод его недругов, да и друзей тоже.

А слабый Каир – это совершенно иной Ближний Восток, где в течение последних десяти лет формируется новый расклад сил, определяющее значение в котором имеет система отношений между тремя неарабскими игроками: Израилем, Ираном и Турцией. Египет до сих пор оставался символом роли арабов в «их» регионе, он обладал ценнейшим ресурсом – авторитетом в глазах арабской улицы, лидерством в кругах арабских интеллектуалов. После крушения Багдада и Дамаска именно Каир был единственным «всеарабским» центром. Теперь он рискует лишиться этого своего качества. И его не способны заменить утопающие в роскоши новостройки Эр-Рияда, Дубая или Дохи.

Думается, что поражение Египта в противостоянии с Эфиопией ускорит разложение арабского мира. Отдельные государства, составляющие его, будут точно так же в одиночку пытаться противостоять грозным изменениям во внешнем окружении, не в силах ни побороть их, ни приспособиться к ним. Ни одна арабская страна не может самостоятельно гарантировать свою собственную безопасность, ни одна из них не имеет надежных внешних гарантов своей безопасности, ни одна из них не сумела создать союзов, гарантирующих безопасность.

А значит, регион стоит на пороге очередного раздела между теми, кто сильнее...